

References

1. Vinogradov S. V. O nekotorykh problemakh falsifikatsiy v provintsialnoy ekonomicheskoy presse 1920-kh gg. / S. V. Vinogradov, N. I. Volosukhina, Yu. G. Yeshchenko, M. V. Chernik // Sokhranenie kulturnogo naslediya i problemy falsifikatsii istorii. Materialy vserossiyskoy molodezhnoy konferentsii v ramkakh festivala nauki: v 2-kh t. / pod red. prof. P. L. Karabushchenko. – Astrakhan: AGU, 2012. – Т. 2. – С. 99–103.
2. Gumenyuk A. A. Perekhod ot «voennogo kommunizma» k NEPu (po materialam Saratovskoy gubernii) / A. A. Gumenyuk // Noveyshaya istoriya Otechestva XX–XXI vv. – 2006. – Vyp. 1. – С. 200–208.
3. Lavrenenko S. I. Istoricheskiy opyt razvitiya sistemy vnutrennego gosudarstvennogo kredita v usloviyakh NEPa / S. I. Lavrenenko // Vlast. – 2008. – № 12. – С. 112–114.
4. Mikhalevskiy F. I. Khrestomatiya. Istoriya deneg i kredita. / F. I. Mikhalevskiy. – Moskva: Kommunisticheskoy universitet im. Ya. M. Sverdlova, 1925 – 122 s.
5. O proekte vnutrennego khlebnogo zayma V. I. Lenina – G. Ya. Sokolnikovu 2 maya 1922 g. // Denezhnaya reforma 1921–1924 gg.: sozdanie tverdoy valyuty. Dokumenty i materialy. – Moskva: Rosspen, 2008. – 863 s.
6. Pismo G. Ya Sokolnikova – V. I. Leninu 4 maya 1922 g. // Denezhnaya reforma 1921–1924 gg.: sozdanie tverdoy valyuty. Dokumenty i materialy. – Moskva: Rosspen, 2008. – 863 s.
7. Soobrazheniya chlenov Politbyuro TsK RKP(b) 5 maya 1922 g. // Denezhnaya reforma 1921–1924 gg.: sozdanie tverdoy valyuty. Dokumenty i materialy. – Moskva: Rosspen, 2008. – 863 s.
8. Strakhov V. V. Iz istorii «Zayma Svobody» Vremennogo pravitelstva / V. V. Strakhov // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Yesenina. – 2006. – № 1 (13). – С. 74–90.

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В 1990-Х ГГ. И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
(региональный аспект)¹**

Николаева Любовь Николаевна, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский государственный технический университет
414025, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 16
E-mail: nikolaeva-lv@list.ru

В данной статье на примере материалов Нижнего Поволжья дается исторический анализ развития государственной социальной политики и социальных отношений в России в 90-е гг. XX в. Автором проводится сравнительный анализ официально провозглашенной государством социальной политики и теми реалиями, с которыми приходилось сталкиваться россиянам в это время. Автор исследует причины и динамику новых социальных расслоений и определяет узловые пункты существовавшей в эти годы социально-экономической напряженности и социально-политического конфликта; анализирует позитивные и негативные стороны социальной политики российского государства в 1990-е гг. и меру их влияния на социальное положение российских граждан; показывает динамику развития социальных процессов на примере конкретного российского региона – Нижнего Поволжья; анализирует социальную стратификацию российского общества в период радикальных социально-экономических реформ постсоветской эпохи. Период с 1991 по 2000 гг. совпадает с кризисом и крушением социально-политической системы советского общества. Конец периода приходится на время смены политической элиты 90-х гг. XX в. и перехода российской социальной политики от либерально-демократических реформ к реформам авторитарно-демократичного характера, направленным на усиление вертикали центральной власти и снижения социальной напряженности общества. Автор приходит к выводу, что 1990-е гг. стали эпохой смены социалистической парадигмы в сторону либерально-демократических концепций, со второй половины этого десятилетия все более обретающая специфическими российскими чертами.

Ключевые слова: социальная стратификация, социальная политика, приватизация, социальная структура, средний класс, социальная напряженность, либерально-демократические реформы, вертикаль власти, постсоветская эпоха, дефолт

¹ Исследование было выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ, соглашение № 8255.

**THE SOCIAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN 1990s
AND ITS IMPACT ON THE RUSSIAN SOCIETY
(regional aspect)**

Nikolaeva Lyubov N., Ph.D. (History), Associate Professor

Astrakhan state technical university
16 Tatishchev st., Astrakhan, 16414025, Russia
E-mail: nikolaeva-lv@list.ru

In the article the development of the Russian state social policy and social relations in the 90s of the XX century is analyzed through the example of the Lower Volga Region. The author gives the comparative analysis of the social policy officially declared by the government and that reality which actually took place in the society at that time. The author studies the reasons and dynamics of the new social differentiation and specifies the main points of the socio-economic tension as well as socio-political conflict existing in that period; the author analyses benefits and drawbacks of the social policy of the country in 1990s as well as the degree of their influence on the life of the citizens; he shows the dynamics of the development of the social processes through the example of a certain Russian region – the Lower Volga Region. The analysis of the social stratification at the time of radical socio-economic reforms of the post-Soviet time is also given in the article. The period from 1991 to 2000 coincides with the crisis and fall of the socio-political system of the Soviet society. The end of the period falls at the change of the political elite of the 90s and transfer of the Russian social policy from liberal-democratic reforms to authoritarian-democratic ones designed to reinforce the vertical power system of the governance and decrease social tension of the society. The author of the article comes to the conclusion that 1990s became the epoch of the change of the socialist paradigm towards liberal-democratic concepts. From the second half of the decade it took more and more specific Russian features.

Keywords: social stratification, social policy, privatization, social structure, middle class, social tension, liberal-democratic reforms, vertical power system of the governance, post-Soviet epoch, default

Исторический анализ эпохи, ставшей переходной от позднего социализма к капитализму, имеет огромное значение, потому что нынешнее время является непосредственным ее продолжением. Социальная история представляет собой перешедший в прошлое поток уже состоявшихся социально-экономических, политико-правовых событий. Несомненный интерес представляет также региональный аспект социальной политики российского государства 1990-х гг. как на уровне социально-экономических, так и культурно-политических отношений. Понять общероссийские процессы без учета региональных особенностей и вне контекста регионалистики практически невозможно. Поэтому анализ конкретных региональных аспектов всегда служит не просто уточняющим элементом для общероссийского понимания социально-экономических и политических процессов, но и позволяет выявить те глубинные основания, до которых не всегда удается добраться при исследовании общенациональных проблем. История современной России вызывает сегодня неоднозначные оценки как у российских, так и у зарубежных специалистов. В данной статье на примере материалов Нижнего Поволжья будет дан исторический анализ развития государственной социальной политики и социальных отношений в 90-е гг. XX в.

Период с 1991 по 2000 гг. совпадает с кризисом и крушением социально-политической системы советского общества. Конец данного периода приходится на время смены политической элиты 1990-х гг. и перехода социальной политики государства от либерально-демократических реформ к реформам авторитарно-демократического характера, направленных на усиление вертикали центральной власти и снижения социальной напряженности общества.

1990-е гг. стали эпохой трансформации социалистической парадигмы в сторону либерально-демократических концепций. Государство фактически отказалось выполнять свои социальные обязательства перед российским обществом, вследствие чего им было утрачено значительное количество признаков, характеризующих его в качестве социального государства. Государственная социальная политика была направлена на

решение краткосрочных проблем и не имела стратегической составляющей, более того, многие обязательства государства по защите малоимущих слоев населения не имели под собой должного материального обеспечения. Государство брало на себя обязательства, которые не могло выполнить. Социальная структура российского общества 90-х гг. XX в. претерпела радикальные изменения и приняла ярко выраженный биполярный характер, что привело к обострению социальной напряженности в обществе. Образовалась новая социальная модель, характерная исключительно только для 1990-х гг. Региональная социальная структура практически полностью отражала социальную структуру всего российского общества.

В конце 1999 г. премьер-министр РФ В.В. Путин, подводя итоги уходящего столетия, был вынужден признать, что России «нет сегодня в числе государств, олицетворяющих высшие рубежи экономического и социального развития современного мира... Наше Отечество стоит сейчас перед очень нелегкими экономическими и социальными проблемами» [13, с. 4]. Данный вывод стал неутешительным подведением итогов всех либеральных реформ Б.Н. Ельцина, а его досрочный уход с поста Президента РФ 31 декабря 1999 г. означал завершение проводимых им реформ, но не завершение тех проблем, которые они породили. Образно говоря, социально-экономическая ситуация, сложившаяся в России в 1990-е гг. являлась своего рода отражением морального и физического состояния самого Президента РФ Б.Н. Ельцина (1991–1999 гг.). Ухудшение самочувствия Президента, его беспомощность и паралич высшей власти напоминали аналогичные явления в экономике и социальной сфере.

На душу населения в России приходится в два раза больше ресурсного потенциала, чем в США, в шесть раз – чем в Германии, в 22 раза – чем в Японии. В то же время по доле внутреннего валового продукта на душу населения наблюдается обратная картина: механизм использования дарованного природой огромного достояния крайне неэффективен [12, с. 7]. Будучи еще премьер-министром РФ В.В. Путин признавал, что «за 1990-е гг. объем ВВП России сократился почти в 2 раза. По совокупному размеру ВВП мы уступаем США в 10 раз, Китаю – в 5 раз. После кризиса 1998 г. душевой размер ВВП сократился примерно до 3500 долл. Это примерно в 5 раз ниже показателя стран «большой семерки» [14, с. 4].

Экономисты считают, что критическим уровнем падения ВВП в мирное время считается его снижение на 30 %. В России оно в это время было беспрецедентным – почти 50 %. В качестве критического принимается и 30-процентный уровень потребления импортных продуктов питания, после чего возникает стратегическая зависимость от импортеров. Россия, на протяжении века устойчиво обеспечивающая себя дешевым и качественным продовольствием, закупала в середине 90-х гг. 40 % потребляемых продуктов [10, с. 9]. Традиционным ответом на вопрос, как при таких богатых природных ресурсах Россия оказывается столь социально незащищенной и неблагоустроенной страной, является высокий уровень коррупции и низкий уровень управленческой культуры.

Исследователи в качестве экономической сенсации отмечают, что, начиная с 1991 г. объем ВВП в России сократился на 40 %, и как раз в это же самое время был нарушен процесс не только возмещения основного капитала, но и воспроизводство трудовых ресурсов [6, с. 7].

Экономический потенциал Нижнего Поволжья измерялся преимущественно сельскохозяйственной составляющей, добывающей, перерабатывающей и пищевой промышленностью. Именно в это время (середина 90-х гг. XX в.) началось активное обсуждение темы «большой каспийской нефти», способной коренным образом изменить экономическую структуру всего юга России [3, с. 121]. Изменения в структуре российской экономики были вынуждены признать и сами политические лидеры. В.В. Путин в своей аналитической статье «Россия на рубеже тысячелетия» констатирует, что «ключевые позиции в национальном хозяйственном комплексе ныне (конец 1999 г.) занимают топливная промышленность, электроэнергетика, черная и цветная металлургия. Их доля в ВВП около 15 %, а общий объем промышленной про-

дукции – 50, в экономике – более 70 процентов» [7, с. 4]. К этому следует добавить крайне низкую производительность труда в реальном секторе. Государственная собственность в это время уже утратила былые масштабы. По данным 1992 г. в этом секторе экономики было занято 78,5 % населения. К концу 1993 г. было приватизировано свыше 60 % предприятий России. В негосударственном секторе экономики было занято свыше 20 млн человек [9, с. 7]. В результате радикальных реформ 1990-х гг. объем промышленного производства и строительства в России сократился более чем вдвое. Наблюдается существенный спад в ряде ключевых отраслей, которые определяют современный технологический прогресс и экономический рост – это микроэлектроника, производство средств автоматизации и связи, сельхозмашиностроение и станкостроение. Реформа повергла в тяжелейший кризис сельское хозяйство, где производство продукции сократилось более чем на 40 %. В результате Россия вынуждена была ввозить из-за рубежа до 50 % продовольственных товаров [2, с. 6].

3 июля 1991 г. Верховным Советом РСФСР был принят Закон «О приватизации государственных и муниципальных предприятий», на его основе утверждена программа приватизаций. В Законе была намечена программа о приватизации на три последующих года. Программа включала перечень объектов государственной собственности, намеченных к приватизации, задания органам государственной власти и управления по приватизации государственного имущества, условия кредитования, суммы приватизационных вкладов, порядок взаиморасчетов фондов имущества разного уровня между собой и с соответствующими бюджетами по всем видам платежных средств и т.п. Программу приватизации реализовывал Государственный комитет РСФСР по управлению государственным имуществом (Госкомимущество РСФСР). Председатель комитета входил в правительство в качестве заместителя премьера. Комитет в числе прочего содействовал созданию инвестиционных фондов и холдинговых компаний. Продавцом приватизируемых государственных предприятий, находившихся в собственности РСФСР, признавался только Российский фонд федерального имущества и его представители [5, с. 596–597]. Однако фактически приватизация пошла по другому пути: 14 августа 1992 г. был принят Указ Президента РФ «О приватизации» (проводилась под руководством зам. председателя правительства А.Б. Чубайса). Каждый гражданин России получил приватизационный чек (ваучер). Правила приватизации предусматривали льготы трудовым коллективам, которые фактически были представлены администрацией предприятий. Часть акций передавалась держателям пакетов ваучеров. Чековые фонды и частные лица скупали у населения ваучеры по незначительной цене. В 1992–1993 гг. было разгосударствлено более половины предприятий.

В декабре 1992 г. принимается закон, предоставивший гражданам право получать в частную собственность земельные участки. Земля перестала быть монопольной собственностью государства. В феврале 1993 г. был образован комитет по земельным ресурсам и землеустройству. Тогда же принимается правительственное постановление «О государственном регулировании цен на хлеб и хлебобулочные изделия». В апреле того же года принимается положение о Госкомитете РФ по промышленной политике. Однако начало хозяйственной децентрализации и автономии все шире вторгаются в экономику.

Осуществленная в России в 90-е гг. XX в. реформа системы собственности была насильственно навязанной российскому обществу его политической элитой. Она была проведена в спешке, без учета мнения и интересов самого общества. Социальные последствия приватизации в целом оказались негативными для большей части россиян. Главным итогом российской приватизации стало рождение нового «класса» – олигархов, что дает основания для критики того, как была проведена приватизация, и о необходимости пересмотра ее основных итогов. Приватизационные процессы в Астраханском регионе заметно отставали от общероссийской в силу того, что крупной промышленности здесь не было, а имевшиеся здесь предприятия находились в состоянии экономического упадка и коллапса.

Численность рабочих в Российской Федерации к началу 1990-х гг. составляла 44,5 млн человек. Это большинство занятого населения страны. Его доля в занятом

населении России на 1989 г. была 65,4 % [15, с. 23]. Неквалифицированные и малоквалифицированные рабочие составляли 40 % всех занятых в промышленности; 3/4 рабочих строительства, транспорта, сельского хозяйства использовали ручной труд. В целом около 20 млн человек из 44,5 млн всех рабочих России тогда еще не коснулись существенные изменения в характере и содержании труда [11, с. 47].

Россия являлась и продолжает являться преимущественно индустриальной страной, но доля производства научно-индустриального типа здесь невелика. Слой работников доиндустриальных профессий, а также неквалифицированных занятий, не требующих современной профессиональной подготовки, значителен. Конверсия и рынок привели к потере статуса рабочих военно-промышленного комплекса из ряда престижных отраслей (электроники, приборостроения). Россию 1990-х захлестнула целая волна невыплат заработной платы и пенсий, породившая вторичные волны неплатежей самого населения за коммунальные услуги и общее снижение покупательской способности. Следует отметить и явное расхождение бизнеса и морали. Большинство предприятий, имеющих миллиардные долги и реальные признаки неплатежеспособности, продолжали благополучно существовать, избегая банкротства, а их руководство исправно получало зарплату в огромных размерах. Неплатежеспособность предприятий повсеместно порождает нарастающий размер задолженности в консолидированный бюджет, который по состоянию на 1 июля 1997 г. составил 159,7 трлн рублей. За 1996–1998 гг. резко возросла задолженность по зарплате, которая по состоянию на 1 июля 1997 г. составила свыше 54 трлн рублей. Деньги не выплачивались на 106 тыс. предприятий, а задолженность в социальной сфере – 8,5 трлн рублей [1, с. 20].

Из трех субъектов региона Нижнего Поволжья в середине 1990-х гг. Астраханская область имела наименьший показатель по задолженности выплат заработной платы (коэффициент – 8,5). В соседней Калмыкии этот показатель был в 2 раза больше (17,3), а в Волгоградской области он незначительно превышал астраханский показатель (10,8) [8, с. 87]. Рост инфляционных процессов в экономике вел к обнищанию большей части наемных работников в государственном секторе. Появилась массовая безработица, что создало уже угрозу все большей люмпенизации рабочего класса.

Наиболее ярко системный кризис в России проявился в августе 1998 г., когда государство публично расписалось в своей политической и экономической несостоятельности. Проиллюстрировать масштабы этого кризиса мы можем на примере одного из субъектов региона Нижнего Поволжья – Калмыцкой республики, которая оказалась практически неплатежеспособной, т.е. полным банкротом. Республика существовала фактически за счет трансферных платежей, удельный вес которых в ее бюджете в отдельные годы составлял: максимально 79,5 % (1993 г.), минимально – 28,8 % (1990 г.) [4, с. 209].

В целом, следует сказать, что системный кризис в России в 90-е гг. XX в. – это не только кризис политических и социально-экономических структур, это еще и кризис в системе кадров, а главное – в системе господствующих идей. Государство нуждалось в модернизации социально-экономической сферы.

Согласно Конституции Российской Федерации 1993 г. в России было объявлено о существовании «социального государства», «политика которого ориентирована на формирование условий для свободной жизни и достойного развития человека» [ст. 7, § 1]. Россия тем самым признавала современную государственную философию, характерную для стран социальной рыночной экономики (Германии, Великобритании, Франции, Швейцарии), всего европейского сообщества и МОТ.

Как известно, международная организация труда исходит из того, что всеобщий и прочный мир может быть установлен на основе социальной справедливости. Подписание Россией Декларации всемирной встречи в Копенгагене в марте 1995 г. (Саммит по социальному развитию) означало взятие российским государством обязательств по осуществлению социальной политики.

В конце июля 1992 г. появилась программа углубления экономических реформ, в которой в качестве главной цели социальной политики правительства было названо

повышение уровня и качества жизни граждан России, хотя стартом радикальных рыночных преобразований следует считать 2 января 1992 г. – либерализация цен, что привело к наполнению внутреннего рынка продовольственными и промышленными товарами. Однако за год цены выросли в десятки раз. Большая часть населения России получала низкие зарплаты и пенсии, а денежные накопления полностью обесценились. Оставшиеся без государственного финансирования разрушались системы бесплатного образования, науки, медицины. В России началась безработица. Все это привело к массовому обнищанию жителей страны. На рубеже XX–XXI вв. проблема создания концепции социальной политики поднималась со всей актуальностью. В начале 1990-х гг. при поведении радикальных рыночных преобразований, в государственной политике практически отсутствовали факторы социального развития. Это породило у большинства населения неуверенность в завтрашнем дне и отсутствие интересов к производственному труду вследствие неадекватности трудовых усилий и последующего вознаграждения. Общество переходного периода всегда было резко дифференцировано по степени социальной мобильности, по возможности желанию населения «вместать» в новые социально-экономические условия. Но реформаторы 90-х гг. XX в. не учли того, что основная масса населения – социально немобильна. Общество начала 1990-х гг. не было готово к резкому переходу на рыночные рельсы, а отсутствие действенных рычагов социальной адаптации населения к рыночным преобразованиям породило массовую нищету.

Социальные законы этого периода базировались на соответствующих советских законах лишь с поправкой на современные рыночные условия. Они повторяли и все недостатки советского законодательства. Отсутствие единой концепции социальной политики вызывало ее несогласованность, в частности, отсутствие единого социального законодательства. К данной проблеме добавилась проблема сбора налогов. Налоговая система в этот период переживала этап своего становления. Поэтому она накладывала свой негативный отпечаток на социальное бытие россиян, которые к тому же еще и не вовремя получали заработную плату. В стране ширилось протестное движение, которое, как правило, ограничивалось массовыми забастовками и частными голодовками. До открытого социального бунта дело не дошло, хотя в общественном мнении подобные идеи неоднократно стихийно возникали и также бесследно исчезали, так и не оформившись ни в одну из идеологических систем.

Социальная политика российского государства указывала на то, что в это время оно лишь формально продолжало оставаться социальным, а реально было социально безответственным. Анализ федеральной и региональной социальной политики указывает на то, что сами власти в большинстве случаев только делали вид, что они решают социальные проблемы. Власть больше говорила о проблемах в социальной сфере, но как только дело доходило до конкретных мер, оно ссылалось на некие объективные причины, которые не позволяли ей коренным образом решить социальные проблемы. Причем такая политическая демагогия обнаруживалась как на федеральном, так и на региональном уровне.

Судя по итогам социального развития последнего десятилетия XX в., власть регионов Нижнего Поволжья так и не выработала какой-либо более или менее единой политики в области социальной защиты своего населения. Государство брало на себя невыполнимые обязательства и тем самым вводило все общество в заблуждение. Такую политику можно назвать не только безответственной, но и политикой социального обмана.

Отсутствие в 1990-е гг. даже зачатков институтов гражданского общества приводило к тому, что население России надеялось не на свои собственные возможности, а на ресурсы государственной власти, поскольку собственных ресурсов для решения возникших проблем у него не было. Не следует также забывать, что и сами социальные проблемы 1990-х гг. возникли по вине государства.

Государство демонстрировало свою непоследовательность и эклектичность в выборе стратегии и тактики проведения социальной реформы. Следует также подчеркнуть существенный социально-экономический и политико-правовой разрыв между Москвой (федеральным центром) и остальными российскими регионами. Очевидно,

что социальная государственная политика во многом зависит от экономического благосостояния конкретного региона. Россияне стали разделяться не только по имущественному признаку, но еще и территориальному.

31 декабря 1999 г. Б.Н. Ельцин досрочно подал в отставку и назначил В.В. Путина исполняющим обязанности президента. На выборах 26.03.2000 В.В. Путин был избран Президентом РФ. Начался новый этап социально-экономических и политических реформ. Курс нового президента на укрепление федеральной власти и правопорядка в стране получил поддержку значительной части общества. Появились надежды на преодоление экономического кризиса, произвола бюрократии и криминальных структур. Новый этап реформ направлен на модернизацию экономики, усиление борьбы с бедностью и совершенствование социальной инфраструктуры.

Список литературы

1. Викторов И. Надзор за исполнением законодательства о несостоятельности (банкротстве) предприятий / И. Викторов // Хозяйство и право. – 1998. – № 9. – С. 20.
2. Глазьев С. Ю. Какая Россия нам не нужна / С. Ю. Глазьев // Родная газета. – 2003. – № 1 (1). – С. 6.
3. Гусейнов В. А. Каспийская нефть. Экономика и геополитика / В. А. Гусейнов. – Москва : Олма-Пресс, 2002. – 384 с.
4. Дорждеев А. В. Развитие бюджетного федерализма в России / А. В. Дорждеев. – Ростов н/Д : SKAGS, 2001. – 305 с.
5. Исаев И. А. История государства и права России. – Москва : Юристъ, 2004. – 797 с.
6. Маевский В. И. Версия макроэкономической стратегии развития России / В. И. Маевский // Экономическая наука современной России. – 2004. – № 1. – С. 7.
7. Медведев Р. И. И все-таки – эпоха Ельцина / Р. И. Медведев // Российская газета. – 2000. – № 4. – С. 4.
8. Олейников Е. А. Основы экономической безопасности: государство, регион, предприятия, личность: учебно-практическое пособие / Е. А. Олейников. – Москва : ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1991. – 278 с.
9. Осипов Г. В. Россия: надежды и прогнозы / Г. В. Осипов // Социально-политический журнал. – 1994. – № 3–6. – С. 7.
10. Осипов Г. В. Что происходит с социологией / Г. В. Осипов // Социологические исследования. – 1997. – № 5. – С. 9.
11. Подузов А. Исчисление индекса стоимости жизни / А. Подузов // Вестник статистики. – 1991. – № 6. – С. 47.
12. Путин В. В. Россия на рубеже тысячелетий / В. В. Путин // Российская газета. – 1999. – № 255 (2364). – С. 7.
13. Путин В. В. Россия на рубеже тысячелетий / В. В. Путин // Российская газета. – 1999. – № 255 (2364). – С. 4.
14. Путин В. В. Россия на рубеже тысячелетий / В. В. Путин // Российская газета. – 1999. – № 255 (2364). – С. 4.
15. Труд в РСФСР. Статистический сборник // Госкомстат РСФСР. – М. : [б.и.], 1990. – 413 с.

References

1. 1. Viktorov I. Nadzor za ispolneniem zakonodatelstva o nesostoyatelnosti (bankrotstve) predpriyatiy / I. Viktorov // Khozyaystvo i pravo. – 1998. – № 9. – S. 20.
2. Glazev S. Yu. Kakaya Rossiya nam ne nuzhna / S. Yu. Glazev // Rodnaya gazeta. – 2003. – № 1 (1). – S. 6.
3. Guseynov V. A. Kaspiyskaya nef. Ekonomika i geopolitika / V. A. Guseynov. – Moskva : Olma-Press, 2002. – 384 s.
4. Dorzhdeev A. V. Razvitie byudzhetnogo federalizma v Rossii / A. V. Dorzhdeev. – Rostov n/D : SKAGS, 2001. – 305 s.
5. Isaev I. A. Istoriya gosudarstva i prava Rossii. – Moskva : Yurist, 2004. – 797 s.
6. Maevskiy V. I. Versiya makroekonomicheskoy strategii razvitiya Rossii / V. I. Maevskiy // Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii. – 2004. – № 1. – S. 7.
7. Medvedev R. I. I vse-taki – epokha Yeltsina / R. I. Medvedev // Rossiyskaya gazeta. – 2000. – № 4. – S. 4.

8. Oleynikov Ye. A. Osnovy ekonomicheskoy bezopasnosti: gosudarstvo, region, predpriyatiya, lichnost: uchebno-prakticheskoe posobie / Ye. A. Oleynikov. – Moskva : ZAO «Biznes-shkola «Intel-Sintez», 1991. – 278 s.
9. Osipov G. V. Rossiya: nadezhdy i prognozy/ G. V. Osipov // Sotsialno-politicheskiy zhurnal. – 1994. – № 3–6. – S. 7.
10. Osipov G. V. Chto proiskhodit s sotsiologiyey / G. V. Osipov // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 1997. – № 5. – S. 9.
11. Poduzov A. Ischislenie indeksa stoimosti zhizni / A. Poduzov // Vestnik statistiki. – 1991. – № 6. – S. 47.
12. Putin V. V. Rossiya na rubezhe tysyacheletiy / V. V. Putin // Rossiyskaya gazeta. – 1999. – № 255 (2364). – S. 7.
13. Putin V. V. Rossiya na rubezhe tysyacheletiy / V. V. Putin // Rossiyskaya gazeta. – 1999. – № 255 (2364). – S. 4.
14. Putin V. V. Rossiya na rubezhe tysyacheletiy / V. V. Putin // Rossiyskaya gazeta. – 1999. – № 255 (2364). – S. 4.
15. Trud v RSFRS. Statisticheskiy sbornik // Goskomstat RSFRS. – M. : [b.i.], 1990. – 413 s.

АСТРАХАНСКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ МИССИОНЕРЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Канатьева Наталья Сергеевна, кандидат биологических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414000, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: nesy71@mail.ru

Миссионерская деятельность русской православной церкви по отношению к старообрядцам и сектантам в конце XIX – начале XX вв. в отдалённых от центра империи епархиях таких, как Астраханская, проводилась силами местных епархиальных миссионеров и зачастую держалась лишь на энтузиазме последних. В статье рассказано о деятельности двух астраханских священников-миссионеров, проводивших противораскольническую и противосектантскую работу в губернии на рубеже веков.

Ключевые слова: православие, епархия, миссионерство, старообрядчество, сектантство, молокане

ASTRAKHAN ORTHODOX MISSIONARIES LATE XIX - EARLY XX CENTURIES

Kanatyeva Natalya S., Ph.D. (History), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatischeva st., Astrakhan, 414000, Russia
E-mail: nesy71@mail.ru

The missionary activity of the Russian Orthodox Church with respect to the Old Believers and sectarians in the late XIX – early XX centuries in areas remote from the center of the dioceses of the empire, such as Astrakhan, was done by the local diocesan missionaries and often held only by the enthusiasm of the latter. The article told about the activities of the two Astrakhan missionary priests who conducted anti-old believerian and anti-sectarian work in the province at the turn of the century.

Keywords: Orthodox Church, Diocese, missionary work, the Old Believers, sectarianism, molokan

Конец XIX и первое десятилетие XX в. в истории Русской православной церкви связаны с активизацией ее так называемой «внутренней миссии». В отличие от миссии «внешней», то есть направленной на присоединение к православию «инородцев и инославных», внутренняя миссия подразумевала активную проповедь среди сторон-